

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41

А. С. ПУШКИН НА ЛИТЕРАТУРНЫХ СТРАНИЦАХ 1920–1930-Х ГОДОВ И НЕКОТОРЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРМАНЕНТНОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Алексеева Л. Ф.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Осветить присутствие образа А. С. Пушкина в литературном процессе 1920–1930-х гг., выявить оригинальные оценки культурно-исторического и религиозно-нравственного воздействия произведений Пушкина и его личности на потомков XX в., живущих в Советском Союзе и русском зарубежье.

Процедура и методы. В работе рассматриваются некоторые публикации первых послереволюционных лет, в частности нового научного издания «Дневника» Пушкина за 1833–1835 гг., предпринятого в 1923 г., приводятся некоторые интерпретации Пушкина избранными поэтами: А. А. Блоком, Н. С. Гумилёвым, В. А. Сумбатовым, философами, историками и филологами: П. Б. Струве, И. А. Ильиным, Д. П. Святополк-Мирским, Е. Ф. Шмурло. Для освещения проблемы привлекаются отдельные страницы публикаций, мемуарная проза И. В. Одоевцевой, упоминаются книги М. И. Цветаевой «Мой Пушкин», В. В. Вересаева «Пушкин в жизни».

Результаты. Отобранные материалы показывают, насколько важным и глубоким было влияние Пушкина на потомков XX в., переживших крушение Российской державы и избравших Пушкина в основатели созидания единой русской культуры, союзника в борьбе за национальное достоинство, свободу творческого волеизъявления, объединение культур различных стран и народов. Пушкин был связующим центром, объединяющим науку, философию, поэзию и литературный процесс, распавшийся и продолжающий распадаться на несколько рукавов и звеньев в связи с разделением на советскую, эмигрантскую литературу, историографию, богословие, литературоведение, фольклористику...

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья может быть востребована для постижения новых граней воздействия Пушкина на русскую литературу спустя столетие после прижизненной его деятельности, нацелена на укрепление интереса к истории пушкиноведения, методологическим вопросам гуманитарных наук, воспитание эстетически и духовно ориентированной личности.

Ключевые слова: А. А. Блок, А. С. Пушкин, «Дневник (1833–1835)» – издание 1923 года, Д. П. Святополк-Мирский, Е. Ф. Шмурло, И. В. Одоевцева, П. Б. Струве, пушкинские сборники разных лет, связующее звено отечественной и мировой литературы

A. S. PUSHKIN ON THE LITERARY PAGES OF THE 1920–1930S AND SOME LOCAL ASPECTS OF PERMANENT PUSHKIN STUDIES

L. Alekseeva

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To highlight the presence of the image of A. S. Pushkin in the literary process of the 1920–1930s, to identify original assessments of the cultural, historical, religious and moral impact of Pushkin's works and his personality on the descendants of the 20th century living in the Soviet Union and Russia abroad.

Methodology. The work examines some publications of the first post-revolutionary years, in particular the new scientific edition of Pushkin's "Diary" for 1833–1835, undertaken in 1923, and provides some interpretations of Pushkin by selected poets: A. A. Blok, N. S. Gumilyov, V. A. Sumbatov, philosophers, historians and philologists: P. B. Struve, I. A. Ilyin, D. P. Svyatopolk-Mirsky, E. F. Shmurlo. To highlight the problem, individual pages of publications are used, the memoir prose of I. V. Odoevtseva, the books by M. I. Tsvetaeva "My Pushkin", V. V. Veresaev's "Pushkin in Life" are mentioned.

Results. The selected materials show how important and deep Pushkin's influence was on the descendants of the twentieth century, who survived the collapse of the Russian state and elected Pushkin as the founder of the creation of a unified Russian culture, an ally in the struggle for national dignity, freedom of creative expression, and the unification of cultures of different countries and peoples. Pushkin was a connecting center uniting science, philosophy, poetry and the literary process, which has broken up and continues to break up into several branches and links due to the division into Soviet, emigrant literature, historiography, theology, literary studies, folklore studies...

Research implications. The article may be in demand for comprehending new facets of Pushkin's influence on Russian literature a century after his lifetime activity; it is aimed at strengthening interest in the history of Pushkin studies, methodological issues of the humanities, and the education of an aesthetically and spiritually oriented personality.

Keywords: A. A. Blok, A. S. Pushkin, "Diary (1833–1835)" – 1923 edition, D. P. Svyatopolk-Mirsky, E. F. Shmurlo, I. V. Odoevtseva, P. B. Struve, Pushkin's collections of different years, the connecting link of domestic and world literature

Введение

Пушкинская тема в первые послереволюционные десятилетия была весьма актуальной и в Советском Союзе, и в русском зарубежье.

А. А. Блок о Пушкине

Начало 1921 г. ознаменовалось речью А. А. Блока на мероприятии, посвящённом 84-й годовщине со дня смерти Пушкина. Казалось бы, 84 не юбилейная, не круглая дата, но Блок предчувствовал, что следующий год для него уже за пределами земной жизни, нужно было сказать самое главное теперь, 13 февраля 1921 г. Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях сохранила впечатления от блоковского произнесения вслух того, что было озаглавлено почти что с providенциальной высоты: «О назначении поэта»¹. Это была декларация

преемственной встречи поэтов, представляющих два века русской поэзии, исполнивших миссию «бесстрашной искренности», защиты духовной, «тайной» свободы, исполнения предназначения, требований того, к чему зывал пушкинского лирического героя пророческий Божий глас. Мемуаристка запечатлела облик Блока и звучание его речи как метафизически озарённое, исключительное явление: «Его глухой, усталый голос возникал как будто сам собой. Блок был скорее похож на статую, чем на живого человека. Но от его светлых, вьющихся волос исходило сияние»². Блок говорил о том, что путь русского человека от младенчества до зрелости и старости проходит в сопровождении родного, близкого людям всех возрастов имени: «– Наша память хранит с малолетства весёлое имя Пушкина. Это имя, этот звук наполняет собой многие дни нашей жизни... Это

¹ Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 160–173.

² Одоевцева И. В. На берегах Невы: литературные мемуары. М.: Художественная литература, 1988. С. 205.

лёгкое имя Пушкина... Никогда до Блока никому и в голову не приходило назвать имя Пушкина весёлым и лёгким. ... Но вот усталый, глухой, потусторонний голос произнёс эти слова, и в ответ им, как ветер, пронёсся радостный вздох слушателей»¹. Одоевцева передала высказывания публики о внешности оратора: «Блок в синем костюме и в белом свитере, как конькобежец. Такой стройный, тонкий, молодой. Если бы не лицо. Ах, какое лицо! Тёмное, большеглазое, как лики святых на рублёвских иконах. И над ним сияние, да, да, настоящее сияние, как на иконе. Не верите? Спросите других...»². Это событие «на берегах Невы» было воспринято свидетелями как живая преемственность в понимании редкого, но необходимого всем поэтического дара: «... Стало ясно, что никто из современных поэтов – никто, кроме Блока, – не мог бы так просто и правдиво говорить о Пушкине. Что Блок прямой наследник Пушкина. И что, говоря о Пушкине, Блок говорит и о себе»³. Одоевцева также запечатлела, как через неделю Гумилёв наизусть читал «Имя Пушкинского дома», особенно проникновенно продекламировав строфу:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!⁴...»⁵.

Стихотворение датировано 11 февраля 1921 г. (первые наброски появились на неделю раньше), т. е. было закончено за день до лекции «О назначении поэта». Одоевцева пересказала, как сорокалетний Блок говорил Гумилёву: «... Чем дольше я

живу, чем ближе к смерти, тем больше я люблю Пушкина. – И, помолчав, добавил: – Мне кажется, иначе и быть не может. Только перед смертью можно до конца понять и оценить Пушкина. Чтобы умереть с Пушкиным»⁶. Гумилёв возражал, что человек лучше всего понимает Пушкина «в полном расцвете жизненных сил и таланта», при этом «улыбнулся, и его косящие глаза весело заблестели: – Я никогда ещё не любил Пушкина так, как сейчас. Не умирать с Пушкиным, а жить с ним надо»⁷. Но Гумилёв и представить себе не мог тогда, как близок он к смертному порогу, который переступить ему было суждено в одном и том же месяце с Блоком – в августе 1921.

Переиздание «Дневника» А. С. Пушкина в 1923 году в Советской России

В первое послереволюционное десятилетие, несмотря на политический разрыв эпох ввиду революции, продолжалось академическое изучение пушкинского наследия. Приведём убедительный пример бережного отношения к реликвиям, получившим скрупулёзную научную обработку, – переиздание дневниковых записей поэта за 1833–1835 гг.⁸ Над документом работали известные в те времена литературоведы, среди которых автор знаменитого учебника по русской литературе Вл. Ф. Саводник, М. Н. Сперанский, Г. П. Георгиевский. Издание сопровождается подробным указателем, составленным Н. И. Шатерниковым. Во вводной записке к основному тексту, содержащему воспроизведение пушкинской тетрадки с многочисленными примечаниями, обосновывая необходимость комментирования записей «Дневника», комиссия заявляла, что «конечной целью такого комментария поставлено стремление дать по возможности живую картину эпохи 30-х годов истёкшего столетия и обстановки жизни самого

¹ Одоевцева И. В. На берегах Невы: литературные мемуары. М.: Художественная литература, 1988. С. 206.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Блок А. А. Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 377.

⁵ Одоевцева И. В. На берегах Невы: литературные мемуары. М.: Художественная литература, 1988. С. 208. (Мемуаристка процитировала по памяти, без деления на длинные и укороченные строки, без восклицательного знака. – Л. А.).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Пушкин А. С. Дневник А. С. Пушкина (1833–1835). М.: Петроград: Мосполиграф, 1923. 578 с.

писателя того же времени»¹. Хотя записи Пушкина уже были опубликованы в изданном ранее академическом собрании сочинений, труд учёных, переиздававших «Дневник» в 1923 г., утверждал непрерываемость традиционного присутствия Пушкина в обновлённой исторической действительности, возможность и необходимость разыскания новых материалов о Пушкине, их толкования и верного понимания, расшифровки сокращений, упоминания имён, определения их роли в жизни Пушкина и его современников. В «Дневнике», актуализированном в 1923 г., присутствует пушкинское трезвое сомнение в силе слов и надежда на будущую жизнь в потомстве: «Дай Бог, чтоб слова мои произвели хоть каплю добра!»²

Мировоззрение Пушкина в восприятии итальянского и пражского историка Е. Ф. Шмурло

Задача создания живого образа поэта присутствует в повествовании «Этюды о Пушкине» (1929) Евгения Францевича Шмурло (1853–1934), учёного-историка и литературоведа, собирателя исторических документов, автора трудов по истории России и русской литературе. Шмурло с 1880-х гг. работал в Италии, в 1900–1910-е гг. занимал должность учёного корреспондента историко-филологического отделения Российской академии наук при Ватиканском архиве. В 1921 г. организовал русскую академическую группу, был её председателем до отъезда из Рима (в 1924 г.) в Прагу. В 1925–1931 гг. возглавлял русское историческое общество в Праге, входил в Совет и Учёную комиссию Русского заграничного исторического архива (РЗИА), после второй мировой войны перевезённого в Советский Союз и распределённого по нескольким хранилищам.

Приведём некоторые обобщающие характеристики Пушкина, включённые в

первую главу «Пушкинского сборника», написанную Е. Ф. Шмурло, сохранив принятую эмигрантами форму дореволюционного правописания. Рассматривая взаимоотношения Пушкина с Карамзиным, учитывая концепции Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, И. Н. Жданова, выступившего с подробной характеристикой «Бориса Годунова» в 1881 г., Шмурло по-новому осветил зависимость поэта от старшего современника и вместе с тем его гениальную способность проявить при этом самостоятельность: «Пушкинъ обильно черпалъ матеріалъ изъ “Исторіи Г. Р.”, на многое смотрѣлъ черезъ тѣ же очки, какъ и Карамзинъ, но всякое заимствованіе творчески претворялъ въ горнилъ своего духа, и то, что выливалось изъ него, всегда носило оригинальный, специально-пушкинскій отпечатокъ» [20, с. 23]. «Духовная самостоятельность не мѣшала пользоваться карамзинскимъ матеріаломъ, всё равно, бралъ ли поэтъ его въ готовомъ освѣщеніи (разъ оно совпадало съ его собственнымъ пониманіемъ фактовъ), или перерабатывая его на свой ладъ; а съ другой стороны, матеріальная зависимость отъ “Исторіи” не мѣшала Пушкину привлекать матеріалъ и не-карамзинскій, извлекая изъ него то, что онъ считалъ необходимымъ и подходящимъ для себя» [20, с. 8].

Анализируя некоторые сцены, Е. Ф. Шмурло приоткрывает методологический подход к тексту, неприемлемость школьной примитивной расшифровки авторской позиции. Процитируем примечание к анализу первой сцены «Комедіи о настоящей бѣдѣ Московскому государству»: «Въ указанной сценѣ обыкновенно видятъ зерно будущихъ боярскихъ интригъ противъ Бориса; но съ не меньшимъ правомъ можно посмотрѣть на неё и какъ на выраженіе боярскаго безсилія, расчистившаго путь Годунову. Что именно хотѣлъ сказать этою сценою самъ авторъ? Не задавайте ему такихъ вопросовъ: поэтъ не анализируетъ, онъ творитъ безотчѣтно и рисуеъ образы такими, какими подсказало ему его художественное чутье» [20, с. 15]. Подробно сопоставляя соотноше-

¹ [Пушкин А. С.] Дневник А. С. Пушкина (1833–1835). М.; Петроград: Мосполиграф, 1923. С. VII (у этого вводного текста пагинация римскими цифрами. – Л. А.).

² Там же. С. 66.

ние карамзинского текста и сцен из пушкинской драмы в связи с описанием убийства святого мученика царевича Дмитрия, Шмурло ставит вопросы, ответ на которые содержится в основательном проникновении в факты, словесную ткань сопоставляемых текстов [20, с. 22].

В следующей статье этого издания Е. В. Спекторский нарисовал ёмкий портрет мужественного, зрелого Пушкина, умевшего «не забиваться в пещеру субъективной неудовлетворённости», но подниматься над мелочными тревогами и смотреть на жизнь с высоты: «Онъ не былъ поэтомъ грусти... Совсѣмъ напротивъ, онъ былъ поэтъ бодрости и даже радости. Онъ оставилъ завѣту здоровой и свѣтлой радости, преодолюющей всякія невзгоды объективнымъ и гармоническимъ отношеніемъ къ бытію, а также творческимъ трудомъ и блаженствомъ вѣры. ... И если бы мы послѣдовали этому его завѣту, мы легче бы справлялись съ “жизни мышей бѣготней” и научились бы прислушиваться къ голосу вѣковъ» [20, с. 55].

Органически присущее Пушкину сознание радости бытия как яркую национальную черту выделил и положил в основание философско-исторической концепции другой эмигрант из восточной, харбинской диаспоры – Вс. Н. Иванов, рассуждавший в своём сочинении об основах русской государственности: «Даже сосланный Пушкин не страдал, а юношей слушал музыку волн в ясном, солёном, голубом Крыму, писал стихи крепче и звонче меди, любил прекрасных женщин. Мы решительно не согласны с существующим известным уныло-интеллигентским восприятием существующего, а тем более прошлого» [7, с. 7].

Отбирая факты пушкинского присутствия на литературных страницах 1920–1930-х гг., необходимо назвать хотя бы некоторые поэтические произведения, в которых изображён Пушкин как личность, нашли отклик его идеи и убеждения, трансформировались жанровые открытия, приёмы мастерства, отношения к традициям и современности, включённость

в фольклорную стремнину культуры, в 1920–1930-е и последующие десятилетия¹ с разной степенью конкретизации и углублённости изученные и заново актуализировавшиеся.

Остановимся на одном, созданном в эмиграции, в Италии, произведении, малоизвестном филологической общественности, демонстрирующем зависимость от первоначального жанрового образца – пушкинского романа в стихах.

Василий Сумбатов – наследник Пушкинских жанровых традиций

Для участника первой мировой войны и движения Соппротивления в Италии, эмигранта, русского поэта, прозаика и художника-живописца В. А. Сумбатова Пушкин был в центре преемственной цепи, на которую он ориентировался на протяжении десятилетий.

В письмах из Рима в Белград к другу и наставнику И. А. Персиани имя Пушкина встречается многократно, к стихам русского гения поэт-изгнанник обращается при анализе ритмики и стиховой техники, на него и его последователей ориентируется, создавая собственные стихи. В одном из писем Сумбатов воспроизвёл эпизод с обсуждением своего произведения: «... Я вспомнил одну язвительную фразу милого Шмурло. Прослушав отрывки моего (давно заброшенного) романа в стихах, он сказал: “Очень хорошо! С большим жаром написано! (пауза). И с таким знакомым жаром (пауза). С жаром Александра Сергеевича Пушкина...”»². Однажды он посетовал, что современники эту приверженность к традиции толкуют слишком прямолинейно: «Но Пушкин положительно мой враг! Как только я свяжу

¹ См.: [13; 14], Пушкинский сборник. Прага: Политика, 1929. 303 с.; Цветаева М. И. Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1981. 234 с.; Филология: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Пушкинский / отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Саратовский университет, 2000. 274 с.

² Сумбатов В. А. Письма к И. А. Персиани из Рима в Белград // РГАЛИ. Фонд 2294: Персиани Иван Александрович. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 3.

пять-шесть слов удачно, – сейчас же все кричат: “Пушкиным пахнет! Плагиат!” Не виноват же я, что Пушкин был настолько велик, что создал определённый строй речи, и что после него русский язык почти не обогатился»¹.

В одном из писем Сумбатов заявлял: «... все похвалы технике стиха и чистоте языка целиком должны быть отнесены на счёт ... И. А. Персиани и затем профессора Е. Ф. Шмурло и герцога Г. Н. Лейхтенбергского², так как сей триумвиат в процессе моего творчества изображал огонь, воду и медные трубы», – и приводит далее эпиграмму, имитирующую пушкинскую эпоху:

...Мне цензором учёный был писатель –
Историк и большой педант;
Полковник гвардии был первый мой издатель;
Мой лютый критик и прямой ругатель
Был дипломат и музыкант...³

Остановимся коротко на произведении крупного стихотворного жанра.

В романе-хронике в стихах Сумбатова «Русская Держава»⁴ сюжетные линии повествования составляют, подобно развёрнутому в «Евгении Онегине», несколько ветвей. Жизнь в Княжом и Светлом, петербургский свет, кадетский корпус и училище, события на фронте первой мировой войны, в Царскосельском госпитале, революционные настроения в армии, атмосфера вокруг Григория Распутина, убийство офицеров матросами – таков неполный перечень звеньев в изображении слома эпох, непосредственно вытекающих из трагиче-

ского лона истории XIX в., художественно осмысленного и свободно, вместе с тем достоверно представленного Пушкиным.

Перемещение во времени в романе-хронике Сумбатова мы обнаруживаем не только при переходах от одного отрывка к другому, но и внутри некоторых цельных главков, что свидетельствует о силе и свободе поэтического дарования Сумбатова. В воспроизведении усадебной, деревенской России – яркая, живая изобразительность, не гнушающаяся перечислительных рядов, однако предметы, действия, звуки, краски и тона выделены самые характерные. Автор при этом не отвлечённое лицо, он заявляет о себе как мыслитель, художник, обладающий выразительными индивидуальными чертами.

Организация художественного времени в этом произведении отличается виртуозной продуманностью. Время здесь само по себе – самостоятельный предмет поэтического осмысления и авторских философических обобщений. С самого начала мы встречаемся даже с его персонификациями. Четырнадцатый год, рождённый от вечности и века, лелеемый родительницей, обречён на горькую судьбу – стать калеккой, увянуть («увять») «в дыму пороховом».

Поэта не смущают аллюзии с пушкинским произведением. Напротив, он специально подчёркивает, что Пушкин явно присутствует в Петербурге, в России начала XX в., ещё царской, прежней, но уже пребывающей на рубеже слома. И придворный мир, и атмосфера пересудов и сплетен на балах, и обычаи русской старины, и любовный роман – всё ещё в прежних границах, но во всём стихотворном повествовании выпукло доминирует момент, когда уклад, подобно снежной лавине, устремился к разрушению, старые правила отвердевают, ломаются или деформируются. И то и другое ведёт историческую полосу великодержавности к завершению. Присутствие и участие в этой новой жизни поколения, к которому принадлежит поэт XX в., болью и трагедией проходит через человеческие судьбы.

С героями многое случается, и сюжетные отрезки о том, что и как происходило,

¹ Сумбатов В. А. Письма к И. А. Персиани из Рима в Белград // РГАЛИ. Фонд 2294: Персиани Иван Александрович. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 46.

² Полковник, герцог Г. Н. Лейхтенбергский возглавлял издательство «Град Китеж», где издавалась первая книга стихов В. А. Сумбатова.

³ Сумбатов В. А. Письма к И. А. Персиани из Рима в Белград // РГАЛИ. Фонд 2294: Персиани Иван Александрович. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 3.

⁴ Сумбатов В. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Стихотворения; поэмы «Без Христа», «Москва»; роман-хроника в стихах «Русская Держава». М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 461–590.

носят не приключенческий характер (хотя и не лишены занимательности), но освещают явную и подспудную деятельность страны: и её благородных героев, скрепляющих Державу своими самоотверженными поступками, и наглых корыстолюбцев, расшатывающих государство. Автор уверен, что было бы упрощением видеть причину возникновения мировой войны и краха России только в отдельных людях. Автор не случайно прибегает к метафорическому образу горной лавины, которая незаметно зарождает коварное движение в неподвижных внешне слоях и неожиданно обваливается, круша всё на своём пути.

Во вступлении к роману-хронике автор установил некоторые ориентиры для читателя, который будет разгадывать зашифрованные в нём сведения. О приверженности к пушкинской жанровой традиции романа в стихах напоминает свободный разговор автора с адресатами: поэт выходит на прямой контакт с теми, для кого он создаёт текст. Эта особенность ярко проявилась у Пушкина уже в «Руслане и Людмиле». Автором в романе XX в. подчеркнута и отступление от узко биографической основы, и уход от женского адресата, как он обозначен во вступлении, – роман и для других читателей, которым он рассказывает обо всём, чему сам и его друзья и родные были свидетелями или о чём были «наслышаны» [17, с. 615–624].

Сумбатов последовательно идёт за Пушкиным в создании большого полотна исторической эпохи, сотканного из динамично развёрнутых сюжетных звеньев, лирико-философских отступлений, житейских рассуждений, ярких характеров, описаний нравов и впечатлений, разнообразных чувств и переживаний героев. Объединяет с пушкинским художественным миром Сумбатова и само внимание ко всем сторонам жизни высшего света: атмосфере балов, сплетен, искусства, политических, возвышенно-патриотических и порочных интересов и увлечений.

Поэты о Пушкинских образах

М. И. Цветаева посвятила гению XIX в. созданную в эмиграции книгу «Мой Пушкин», в которой отразила, как личное восприятие поэта уже в младенческие годы повлияло на формирование её основополагающих жизненных правил и ценностей. С Пушкиным связана для Марины Ивановны любовь к русской, превращающейся на глазах в «огромный страннопримный дом» Москве: «Гришка вор тебя не ополячил, / Пётр-царь тебя не онемечил...»¹. У этой цветаевской книги немало исследователей².

С. А. Есенин поэтически оживил традицию Пушкинского «Онегина» в «Анне Снегиной», что получило существенный резонанс в литературоведении разных периодов. В частности, назовём статью весьма известного во второй половине XX в. доцента МГУ В. Н. Турбина [18]. Заметим попутно, что, сопоставляя центральные женские персонажи двух гениальных поэтов, совершенно напрасно принижает исследователь есенинскую Анну [18, с. 270], которой выпало на долю испытаний побольше, чем Татьяне. Но и Анна, есенинский «идеал», хранит чистоту любящего сердца, удерживаясь от «преступной страсти», а не предаваясь ей (вопреки приговору филолога), хранит верность памяти погибшего мужа.

Жизнелюбие как черту гения и приверженность национального сознания подчеркнул очень выразительно Маяковский в «Юбилейном», о чём неоднократно писали учёные и школьные методисты.

Религиозные философы 1920-1930-х годов о Пушкине

Немало внимания уделили Пушкину мыслители, главным образом, высланные из России на «философском корабле»: Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др. Их размыш-

¹ Цветаева М. И. Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1981. С. 96.

² См.: Орлов В. Н. «Сильная вещь – поэзия» // Цветаева М. И. Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1981. С. 4–28.

ления были обусловлены переменами в укладе русской жизни в связи с европейскими и отечественными событиями. Все без исключения осознавали присутствие Пушкина в исторической действительности первой трети XX в., его живое участие в продолжении providенциально предназначенного трагического пути России, приведшего к сугубо заострённому противостоянию добра и зла.

В 1937 г. в Риге, Белграде, Париже и других городах Европы отмечали столетие со дня смерти Пушкина. И. А. Ильин выступил с лекциями, в течение которых ссылался на соотечественников, создававших труды в Советском Союзе: «Пророческое призвание Пушкина», «Национальное призвание Пушкина», «Пушкин в жизни. 1799–1937», «Моцарт и Сальери» Пушкина (Гений и злодейство)» [8]. Среди многочисленных высказываний Пушкина философ не упустил знаменитое изречение верного своей Родине гения: «Клянусь вам моею честью, что я ни за что на свете не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какому нам послал Бог» [8, с. 55].

Для находившихся в эмиграции русских писателей и философов источником многогранных сведений о Пушкине была уникальная книга В. В. Вересаева «Пушкин в жизни»¹.

Заключение

Вплоть до конца XX в., а затем и в XXI продолжали выходить всё новые «Пушкинские сборники», издаваемые в столичных и провинциальных городах². Пушкинская личность и поэтиче-

ские открытия формировали учёных, среди которых замечательные имена: В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, Н. К. Пиксанов, Б. М. Соколов, Г. А. Гукковский, А. П. Скафтымов, Г. В. Макаровская, Е. П. Никитина, Ю. М. Лотман, В. М. Маркович, Н. Н. Скотов, В. С. Непомнящий... Уже в XX – начале XXI в. обозначилась необходимость подвести некоторые итоги в изучении того, что составляет «наше всё», – формируется история пушкиноведения.

Безусловным стержнем пушкинского влияния признана духовная высота, позитивное нравственное воздействие на читателя. В Русском Доме Белграда П. Б. Струве говорил в 1937 г: «Преодоление себя, своей Души в Слове и обретение через Слово своего Духа есть самое таинственное, самое могущественное, самое волшебное и чарующее, самое ясное и непререкаемое в явлении: Пушкин» [16, с. 466].

Пушкин выполняет и посмертно функции цементирующего воздействия на литературное, культурно-историческое и духовное состояние общенациональной и всемирной жизни. В том числе и в наше время [например: 1; 2; 3; 4; 6; 9–12; 14; 19]. Сама по себе история пушкиноведения приближает нас не только к личности и художественному миру Пушкина, но и к самой истории всемирной духовной преемственности, трагическим и бесмертным страницам всеобщей жизни бытия. Д. П. Святополк-Мирский в книге «История русской литературы» (A History of Russian Literature, 1927), изданной в Англии на английском языке и переведённой на русский только в XXI в., заключил главу о Пушкине знаменательным обобщением: «Понимание высоты и центрального места Пушкина в русской литературе и цивилизации росло шаг за шагом, незаметно, но неудержимо. Двадцатый век получил его сполна. Когда произошла революция, оно уже было настолько повсеместным и непобедимым, что даже большевики, по духу столь же чуждые Пушкину, сколь и Достоевскому, исключили его имя – чуть ли не единственное – из огульного забве-

¹ Вересаев В. В. Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Московский рабочий, 1987. 703 с. На издания этой книги, выходившей в 1920–1930-е гг., ссылались впоследствии многие, в том числе религиозные философы.

² См.: 2; Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923. 220 с.; Пушкин в мировой литературе: сборник статей. Вып. VIII. Л.: Государственное издательство, 1926. 408 с.; Пушкинский сборник. Прага: Политика, 1929. 303 с.; Филология: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Пушкинский / отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Саратовский университет, 2000. 274 с.

ния и осуждения всей дореволюционной России» [15, с. 185].

Личность и непревзойдённые шедевры Пушкина мобилизуют духовный и индивидуально-творческий потенциал соотечественников и мыслящих людей разных

национальностей и убеждений, преодолевая границы географического и социального характера, перешагивая через политические и международные разногласия.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Читаем Пушкина вместе с «цифровым поколением» // Народное образование. 2019. № 3. С. 151–156.
2. Брюсовский Пушкин: коллективная монография / сост., общ. ред. О. Л. Довгий, С. А. Казаковой. М.: Факультет журналистики МГУ, 2023. 338 с.
3. Вересаев В. В. О Пушкине: избранные статьи. М.: Юрайт, 2024. 181 с.
4. Гандлевский С. Лёд и пламень // Иностранная литература. 2022. № 10. С. 250–261.
5. Голицына В. Н. «Всякая современность в настоящем – сосуществование времён» (Цветаева о Пушкине) // Учёные записки. Пушкинский сборник. Псков: ЛГПИ им. Герцена, 1973. С. 140–159.
6. Есипов В. М. Пушкин и польский вопрос // Вопросы литературы. 2022. № 1. С. 55–73.
7. Иванов В. С. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: Бамбуковая роща, 1926. 372 с.
8. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. II–III. М.: Русская книга, 1997.
9. Линков В. Я. Категория простоты в мировоззрении и творчестве А. С. Пушкина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 13–28.
10. Маркович В. М. О Пушкине. М.: Росток, 2023. 351 с.
11. Никитина Е. П. Пушкинская тема в трудах и днях А. П. Скафтымова // Филология: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Пушкинский / отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Саратовский университет, 2000. С. 5–21.
12. Новиков В. И. Александр Пушкин. М.: Молодая гвардия, 2022. 301 с.
13. Поройков С. Ю. Типические характеры в произведениях А. С. Пушкина. М.: Инфра-М, 2022. 182 с.
14. Ранчин А. О дилетантизме в филологии, или Дилетанты и Пушкин // Новый мир. 2023. № 4. С. 190–203.
15. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времён по 1925 год / пер. Р. Зерновой. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2005. 964 с.
16. Струве П. Б. Дух и слово Пушкина // Русская идея: в кругу писателей и мыслителей Русского зарубежья: в 2 т. Т. 2 / сост. В. М. Пискунова. М.: Искусство, 1994. С. 465–475.
17. Сумбатов В. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Стихотворения; поэмы «Без Христа», «Москва»; роман-хроника в стихах «Русская Держава» / сост. Л. Ф. Алексеева. М.: Государственный университет просвещения, 2023. 638 с.
18. Турбин В. Н. Традиции Пушкина в творчестве Есенина: «Евгений Онегин» и «Анна Снегина» // В мире Есенина: сборник статей / сост. А. А. Михайлов, С. С. Лесневский. М.: Советский писатель, 1986. С. 264–284.
19. Шеваров Д. Г. Полёт Сверчка: 200 лет назад Василий Андреевич Жуковский передал пальму поэтического первенства Александру Пушкину // Родина. 2020. № 4. С. 79–81.
20. Шмурло Е. Ф. Этюды о Пушкине // Пушкинский сборник. Прага: Политика, 1929. С. 5–52.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. [Reading Pushkin together with the “Digital Generation”]. In: *Narodnoe obrazovanie* [Public education], 2019, no. 3, pp. 151–156.
2. Dovgy O. L., Kazakova S. A., eds. *Bryusovskij Pushkin* [Bryusov’s Pushkin]. Moscow, Faculty of Journalism of Moscow State University Publ., 2023. 338 p.
3. Veresaev V. V. *O Pushkine: izbrannyye stat’i* [About Pushkin: Selected Articles]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 181 s..
4. Gandlevsky S. [Ice and Fire]. In: *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2022, no. 10, pp. 250–261.
5. Golitsyna V. N. [“All Modernity in the Present is the Coexistence of Times” (Tsvetaeva about Pushkin)]. In: *Uchyonye zapiski. Pushkinskij sbornik* [Scientific Notes. Pushkin Issue]. Pskov, Leningrad State

- Pedagogical Institute named after Herzen, 1973, pp. 140–159.
6. Essipov V. M. [Pushkin and the Polish Question]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2022, no. 1, pp. 55–73.
 7. Ivanov Vs. N. *My: Kul'turno-istoricheskie osnovy russkoj gosudarstvennosti* [We: Cultural and Historical Foundations of Russian Statehood]. Harbin, Bambukovaya roshcha Publ., 1926. 372 p.
 8. Ilin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 6. Kn. II–III* [Collected Works. Vol. 6. Bk. II–III]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1997.
 9. Linkov V. Ya. [The Category of Simplicity in A. S. Pushkin's Philosophy and Works]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2021, no. 1, pp. 13–28.
 10. Markovich V. M. *O Pushkine* [About Pushkin]. Moscow, Rostok Publ., 2023. 351 p.
 11. Nikitina E. P. [Pushkin's Theme in the Works and Days of A. P. Skaftymova]. In: *Filologiya: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 5. Pushkinskij* [Philology: Interuniversity collection of Scientific works. Vol. 5. Pushkinsky]. Saratov, Saratov University Publ., 2000, pp. 5–21.
 12. Novikov V. I. *Aleksandr Pushkin* [Alexander Pushkin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2022. 301 p.
 13. Poroykov S. Yu. *Tipicheskie haraktery v proizvedeniyah A. S. Pushkina* [Typical Characters in the Works of A. S. Pushkin]. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 182 p.
 14. Ranchin A. [About Amateurism in Philology, or Amateurs and Pushkin]. In: *Novyy mir* [New World], 2023, no. 4, pp. 190–203.
 15. Svyatopolk-Mirsky D. P. A Russian-English Life (Rus. ed.: Zernova R., transl. *Istoriya russkoj literatury s drevnejshih vremyon po 1925 god.* Novosibirsk, Svinin and sons Publ., 2005. 964 p.).
 16. Struve P. B. [The Spirit and Word of Pushkin]. In: *Russkaya ideya: v krugu pisatelej i myslitelej Russkogo zarubezh'ya. T. 2* [Russian idea: in the circle of Writers and Thinkers of the Russian abroad. Vol. 2]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, pp. 465–475.
 17. Sumbatov V. A. *Sobranie sochinenij. T. 1. Stihotvoreniya; poemy «Bez Hrista», «Moskva»; roman-hronika v stihah «Russkaya Derzhava»* [Collected Works. Vol. 1. Poems; Poems “Without Christ”, “Moscow”; Cronicle Novel in Verse “Russian Power”]. Moscow, Federal State University of Education Publ., 2023. 638 p.
 18. Turbin V. N. [Pushkin's Traditions in Yesenin's Works: “Eugene Onegin” and “Anna Snegina”]. In: *V mire Esenina: sbornik statej* [In Yesenin's World: Collection of Articles]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1986, pp. 264–284.
 19. Shevarov D. G. [Flight of the Cricket: 200 years ago Vasily Andreevich Zhukovsky handed over the Palm of Poetic Championship to Alexander Pushkin]. In: *Rodina* [Motherland], 2020, no. 4, pp. 79–81.
 20. Shmurlo E. F. [Sketches about Pushkin]. In: *Pushkinskij sbornik* [Pushkin collection]. Praga, Politika Publ., 1929, pp. 5–52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov F. Alexeeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л. Ф. А. С. Пушкин на литературных страницах 1920–1930-х годов и некоторые локальные аспекты перманентного пушкиноведения // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 32–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41

FOR CITATION

Alexeeva L. F. A. S. Pushkin on the Literary Pages of the 1920–1930s and Some Local Aspects of Permanent Pushkin Studies. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 32–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41